

УДК 94(47)“16”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/4

Древняя Русь в исторических нарративах последней трети XVII в.: восточнославянские книжники в поисках общих воспоминаний

Ю.А. Чупрына

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: y.chupryna@spbu.ru

Авторское резюме

Рассматривается влияние новых политических условий второй половины XVII в. на историческую картину поздних московских и киевских исторических сочинений, а именно какие новые интерпретации древнерусских событий возникали на страницах этих сочинений. В качестве источников для исследования привлекаются летописи, синопсисы, хроники последней трети XVII в., созданные в крупных скрипториях Москвы и Киева: «Хроника» Феодосия Сафоновича, «Синопсис» Иннокентия Гизеля, «Обширный Синопсис» Пантелеймона Кохановского, «Латухинская Степенная книга» Тихона Макарьевского, «Мазуринский летописец» Исидора Сназина. В первой половине XVII в. исторические сочинения Московского царства и Левобережной Украины имели, несомненно, больше самобытных черт, в первую очередь выраженных в разном фокусе повествования: больший интерес либо к истории киевского княжения и Великого княжества Литовского, либо к истории владимиро-суздальского и московского княжения. События середины XVII в. внесли изменения не только на политическую карту Восточной Европы, но и в умы книжников расширяющегося Московского царства. Сравнение исторических нарративов последней трети XVII в. позволило определить стремление летописцев/хронистов найти общие воспоминания или «места памяти» в истории Древней Руси. Среди таких связующих сюжетов выделяются вопрос происхождения славянского народа, образ князя Владимира, события монгольского завоевания Руси, московский великий князь Дмитрий Донской. Стремление инкорпорировать историю Северо-Восточной Руси в привычное историческое повествование Киевской митрополии больше исходило от церковных деятелей Киево-Печерской Лавры. В московской книжной традиции актуализация киевских и галицких сюжетов осуществлялась также благодаря деятельности церковных интеллектуалов.

Ключевые слова: историческая память, Древняя Русь, Московское царство, Киевская митрополия, летописание

The idea of Old Rus' in the historical narratives of the final third of the 17th century: East Slavic intellectuals seeking collective memories

Yulia A. Chupryna

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: y.chupryna@spbu.ru

Abstract

The article analyzes how the new political conditions in the second half of the 17th century shaped the historical narratives in the late chronicles and annals. It investigates the fresh interpretations of early Rus' events that emerged in these texts in response to contemporary changes. The study draws on a range of sources – chronicles, synopses, and historical compilations – from the final third of the 17th century, produced in major scriptoria in Moscow and Kiev. These include Feodosiy Safonovich's *Khronika* (Chronicle), Innocenty Gizel's *Sinopsis* (Synopsis), Panteleimon Kokhanovsky's *Obshirnyy Sinopsis* (Comprehensive Synopsis), Tikhon Makaryevsky's *Latukhinskaya Stepennaya kniga* (Latukhin Book of Royal Degrees), and Isidor Snazin's *Mazurinsky letopisets* (Mazurin Chronicle). In the early 17th century, historical texts from Tsardom of Moscow and Left-Bank Ukraine exhibited more distinct narrative focuses, centering either on the history of the Kievan Principality and the Grand Duchy of Lithuania or on that of the Vladimir-Suzdal and Moscow Principalities. The mid-century political developments, however, altered not only the political map of Eastern Europe but also the perspectives of chroniclers within the expanding Tsardom of Moscow. The analysis of narratives from the late 17th century reveals the chroniclers' effort to identify collective memories – or *lieux de mémoire* – in the history of Old Rus'. The author identifies several unifying themes deployed for this purpose: the origins of the Slavic peoples, the figure of Prince Vladimir, the Mongol conquest of Rus', and Grand Prince Dmitry Donskoy of Moscow. Notably, the integration of Northeastern Rus' history into the established narrative of the Kievan Metropolis was pioneered primarily by church figures associated with the Kiev-Pechersk Lavra. Similarly, within the Moscow book tradition, the revitalization of Kievan and Galician themes was driven by the work of church intellectuals.

Keywords: historical memory, Old Rus', Tsardom of Moscow, Metropolitanate of Kiev, chronicle writing

Историческая память является неотъемлемой частью мировоззрения восточнославянского человека. Исследования последних десятилетий указывают на устойчивый рост внимания специалистов и общества к историческим образам не только недавнего прошлого, но и отдалённого – древнерусского. Фиксируются разные формы проявления современного медиевализма [18: 341–440]. Обращение к героям и сюжетам Древней Руси имеет давнюю практику; так, одним из периодов мобилизации древнерусской «старины» может считаться вторая половина XVII в., когда территориальные, династические, культурные изменения побуждали книжников предлагать новые исторические сочинения.

Общерусское летописание, хроники, синопсисы последней трети XVII в. неоднократно привлекали внимание исследователей. Во второй половине XX в. советские историки усердно трудились над выявлением, изучением и опубликованием многочисленных летописных и нелетописных памятников [1: 11–26; 3], эта тенденция продолжается и в XXI в. Публикации источников подтолкнули специалистов к более детальному рассмотрению исторических представлений восточнославянских книжников XVII в. как русских, так и украинских земель [1; 11; 22; 28; 32]. Работы А. П. Богданова, посвящённые анализу и введению в научный оборот поздних летописных сочинений, с одной стороны, свидетельствуют о многообразии исторических сочинений конца XVII в., а с другой – подчёркивают проблему всё ещё слабой изученности летописного наследия «бунташного» века. Кроме того, современные историографические школы продолжают обособленное изучение исторических представлений книжников русских и украинских земель. Гораздо чаще историки концентрируются на вопросах политических и культурных связей Московского царства и Левобережной Украины [14; 31], на востребованности древнерусской истории в дискуссиях второй половины XVII в. [11: 155–189; 13], а не на компаративном анализе исторической памяти обеих сторон. Лишь киевский «Синопсис» стабильно включается в пространство исторической мысли Московского царства конца XVII в. В то же время необходимо подчеркнуть, что замечания относительно влияния тех или иных киевских и московских источников на исторические нарративы XVII в. всё же встречаются, но чаще они касаются отдельных рукописей [5; 25]. Поэтому в данном исследовании мы стремимся обозначить необходимость сравнительного анализа разных исторических нарративов восточнославянского пространства.

Новые политические, религиозные, социальные вызовы «бунташного» века побуждали восточнославянского человека искать объяснение происходящим событиям. И для разъяснения изменяющегося порядка вещей книжники того времени всё чаще обращались к «своей» истории. Присоединение к Московскому царству Левобережной Украины с Киевом, вопрос Киевской митрополии, заключение Вечного мира с Речью Посполитой стали «новизной» для обеих сторон, требующей опоры в «старине». И за перо взялись книжники из скрипториев Московской патриархии и Киевской митрополии.

Механизм обращения к «старине» – к древнерусским героям и событиям – во время важных политических или религиозных изменений был уже знаком церковным лицам и царскому двору по опыту XVI в. Здесь можно вспомнить и то, как в начале XVI в. создавалось крупнейшее историческое произведение «Русский Хронограф», которое должно было объяснить завершение собирания древнерусских земель [1: 56], и как во времена правления Ивана IV развернулись поиски аргументов для обоснования изменения титула великого московского князя, активная посольская деятельность XVI в. [9; 10: 370]. Венчание на царство и позднее введение патриаршества при Фёдоре Ивановиче мобилизовали интеллектуальные силы древнерусских книжников. Механизм обращения к древности был хорошо знаком и церковным деятелям из Киевской митрополии, особенно в этом плане показательны работы православных полемистов конца XVI – первой трети XVII в., которые активно боролись с унией, используя в своих сочинениях множество исторических аргументов. Униатская сторона конфликта тоже неоднократно прибегала к историческим аргументам, апеллируя к «старине» [8; 23; 24; 33]. Поэтому своё логичное место в новых исторических нарративах заняла история Древней Руси [28; 11; 18: 57–69].

Для восточнославянского населения начало XVII в. сопровождалось разными травматическими процессами и переживаниями, сопряжёнными с пресечением царской династии, самозванчеством, восстаниями, иностранной интервенцией, униатскими процессами (в Руси Речи Посполитой). Эти события породили множество разных устных и письменных сочинений: сказаний, летописцев, народных песен, полемических сочинений [12; 15; 19; 20; 29]. И хотя в первой половине XVII в. книжников больше беспокоили события недавнего прошлого (Смутное время и эпоха Ивана Грозного), образ Древней Руси никогда полностью не исчезал со страниц исторических сочинений «бунташного» столетия [8].

В целом, тексты восточнославянских летописей и хроник первой половины XVII в. имеют особенности, выраженные в разном фокусе

повествования. В сочинениях прослеживается большой интерес к истории владими́ро-суздальского и московского княжения либо к истории киевского княжения и польско-литовскому периоду Руси. Во второй половине XVII в. эти черты во многом сохраняются, кроме выраженного внимания к событиям из истории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Новые политические и религиозные условия требовали от книжников переосмысления истории Древней Руси и поиска общих исторических сюжетов. Поэтому новой тенденцией становится стремление включить в привычное историческое пространство «новые» древнерусские события, т. е. подробности, связанные либо с Северо-Восточной Русью, либо с Южной Русью. Инкорпорирование одного исторического повествования в другой происходило выборочно, едва ли будет уместно говорить о полном объединении двух летописных традиций. Тем не менее отдельные сюжеты целенаправленно перерабатывались как в киевских, так и в московских сочинениях. Среди таких сюжетов можно выделить вопросы происхождения Руси, первых князей на Руси, деятельность князя Владимира, монгольское нашествие на Русь, процесс освобождения Руси от Орды, а именно образ князя Дмитрия Донского.

Дискурсы восточнославянских интеллектуалов вокруг библейского прародителя славян многократно анализировались в историографии [2; 21], поэтому мы не будем останавливаться на обсуждении этногенетических мифов XVII в. Отметим лишь то, что, как правило, в представлениях книжников второй половины XVII в. «Великая» и «Малая» Русь имела одно происхождение. Различались лишь имена прародителей: в рукописях Московского царства с 20–30-х гг. XVII в. часто предлагалась легенда о Словене и Русе [2; 4], а в киевских землях преимущественно звучало имя Мосоха, идущее из польских хроник [21: 25–35]. Московские интеллектуалы посредством книг из Киевской митрополии получили более глубокое знакомство с концепциями, изложенными польскими хронистами, однако предпочитали свою версию.

Пристальное внимание восточнославянских книжников заслуживала история Киевской Руси. Конечно, если говорить о московских авторах летописей, повестей, хроник конца XVI – первой половины XVII в., то история киевских князей занимала не первое место в мобилизации исторических сюжетов, особенно это касается истории легендарных языческих князей и междоусобной борьбы за киевский стол. Но это не относилось к процессу христианизации Киевской Руси, пользующемуся широкой популярностью в исторических летописях и богослужебных текстах на протяжении всего столетия. Киевских авторов того же периода, наоборот, привлекали больше региональные

киевские сюжеты [8: 937–946]. Что вполне объясняется различными политическими и религиозными условиями рубежа XVI–XVII вв. и разными задачами, стоящими перед летописцами и хронистами до Переяславской Рады и Андрусовского перемирия.

Во второй половине XVII в. уже прослеживаются новые тенденции в конструировании «своей» истории. К общим «воспоминаниям» добавлялись события глубокой древности – первые древнерусские князья. Сюжет призвания Рюрика непременно использовался во многих крупных сочинениях. По мысли книжников, Рюрик становится связующим звеном между киевскими и московскими землями. Так, киевские авторы второй половины XVII в. включают в свои нарративы упоминания о московских царях как потомках Рюрика, тем самым используя распространённую в Московском царстве Августинскую легенду. Подобные речи находим в «Хронике» Ф. Сафоновича (1670-е гг.) [30: 58] и «Синописе» И. Гизеля (1674 г.) [6: 23]. Ф. Сафонович пишет: «А тыи три кн(я)зи варазскийи от цесаров рымских поколеня род свои проводили, от которых и н(ы)нешние цари православныйи московскийи свое поколеня проводятъ» [30: 58]. Церковные интеллектуалы стремились включить в киевоцентричное повествование «новые» уточняющие детали, которые позволили бы найти связи с нынешним монархом помимо хорошо известной связи крестителя Руси князя Владимира с первыми Романовыми. Почему известия для читателей могут показаться «новыми»? Во время пребывания Киевской митрополии в составе Речи Посполитой подобные отступления о московском монархе ожидаемо отсутствовали в летописях и хрониках. Отношения Польши с Москвой на тот момент были напряженными: Смута в России, Деулинское перемирие, Смоленская война, что не располагало к излишнему вниманию к православному правителю. Среди главных стремлений киевских церковных иерархов было добиться легализации православной церкви и расположения польского короля в вопросе пересмотра решения Брестского собора.

К первым древнерусским князьям также проявили интерес московские церковные интеллектуалы, только запрос был на киевских князей. Яркий пример – «Латухинская Степенная книга» 1676 г. авторства Тихона Макарьевского. По замечанию П.Г. Васенко, приближённый патриарха Адриана использовал «Синописис» И. Гизеля в качестве одного из основных источников, что позволило автору значительно дополнить первую часть рукописи киевскими сюжетами, которых ранее не было в «Степенной книге» [5: 47–51]. Не менее детальный анализ заимствований в предисловии к публикации «Латухинской Степенной книги» предложил Н.Н. Покровский. По данным историка, книжник дополнил повествование «Степенной книги» большим

количеством вставок о борьбе за киевский стол во времена раздробленности Руси, галицкими князьями и галицким «самодержавием», киевскими святыми, краткими литовскими известиями [16: 15–18].

При чтении первых страниц «Латухинской Степенной книги» читатель уже может предположить, что ему предстоит знакомство не только с историей Северо-Восточной Руси, но и с историей Южной Руси. Исторический нарратив открывается виршами, где прославляется Россия через заслуги святых героев, деятельность которых разворачивалась преимущественно в Киеве, – это апостол Андрей, княгиня Ольга и князь Владимир. А финальная часть виршей гласит: «Егда кто хочеть испытати,/ Вся тыя мятежи исчитати,/ Много сию книгу протитай,/ Ею же вся вещи познавай,/ Совершенно в ней все будешь знать,/ Еже и иным можешь сказать:/ Царства Российскаго зачало,/ Еще и Киева начало,/ Но и о Казани сказася,/ О Сибири же не умолчася...» [16: 67]. Таким образом, в текст виршей попадают упоминания о главных православных святых героях и о важных вехах истории, связанных с началом Российского государства, Киева, приобретением Казани и Сибири.

Киевские сюжеты получили своё место в «Мазуринском летописце» Исидора Сназина 1682 г. Данный летописец относится к «патриаршему» летописанию, т. к. создавался в кругу московского патриарха Иоакима. А.П. Богданов для первых известий о киевском княжении определяет в качестве источника «Синописис» 1680 г. Заимствование глав из киевского сочинения могло произойти напрямую или, как предполагает историк, через Хронографы последней трети XVII в. [1: 321]. Но, сравнивая объёмы текстов о новгородских сюжетах (о Словене и Русе, Гостомысле, призвании Рюрика) с главой «Лета 5930, а от рожества Христова 430-го. О начале и о княжении Киевском» [17: 28–29], можно заметить всё же скромное внимание к киевским сюжетам. Правда, позднее И. Сназин вновь возвращается к Киеву, Щеку и Хореву, предлагая противоположную новгородскую легенду об этих князьях [1: 329]: «Лета 6463 по Игоре великом князе в Великом Новеграде княжил Ольг. И в то время в Великом Новеграде быша три брата разбойницы, имена же им Кий, Щок, Хоров, и имеяше же и сестру именем Лыбедь. И великую новгородцем пакость творяху. Некогда же их новгородцы переимаша со всею дружиною их, числом тридцать душ, вси же бяху храбрии и силни зело, и осудиши их повесити...» [17: 39]. Также историк А.П. Богданов замечает повышенное внимание книжника к «самодержавию» галицких князей периода раздробленности [1: 326–327], что в очередной раз подтверждает идею о поиске общих воспоминаний и стремление авторов адаптировать исторические нарративы под современные им реалии.

Другое общее «место памяти» – князь Владимир. Образ князя востребован на протяжении всего XVII в. не только в книжной традиции. Коммеморативные практики закрепились в богослужении, изобразительном искусстве, церковном строительстве [26]. Интеллектуалы Киево-Печерской лавры не упускали возможности обратиться к крестителю Руси. Одной из новых тенденций для рукописей последней трети XVII в. стало включение легенды об основании города Владимира на Клязьме и переносе туда столицы Руси князем Владимиром. Хотя легендарные известия о крещении Северо-Восточной Руси и основании города, в целом, были известны и ранее, однако мысль о переносе столицы для киевской исторической традиции всё же является новой. По замечанию А.В. Сиренова, в киевские тексты она могла попасть из работы Стрыйковского [18: 92].

Сюжет переноса столицы князем Владимиром присутствует в «Хронике» Ф. Сафоновича [30: 64], «Синописе» И. Гизеля [6: 56–57], «Обширном синописе» П. Кохановского. В «Обширном синописе» (или «Обширном синописе русском») 1681–1682 гг. находим следующее утверждение: «Збудоваль межѣ Волгою и Окою реками, за Москвою место Володимерь великое на свое имя и там мешкаль и в Володимери столица князей московскихъ стала от великого Владимира князя, ажъ до Ивана Великого князя Даниловича, который з Владимира до Москвы места перенесль столицу свою, и от его Москва место почало быти столицею великихъ князей Рускихъ» [27: 10]. П. Кохановский без редактирования заимствует данный отрывок у Ф. Сафоновича, поскольку при сравнении оказывается, что этот текст полностью повторяет высказывание из «Хроники». В свою очередь в русских хрониках и летописях всё чаще встречается сюжет многоэтапного крещения Руси, предложенный ещё православными иерархами первой трети XVII в., – в «Палинодии» З. Копыстенского. Многоэтапное крещение Руси предлагается в «Латухинской Степенной книге» [16: 70], «Мазуринском летописце» [1: 322–323].

В исторических нарративах высвечиваются и другие «новые» общие воспоминания, например нашествие Батыея и князь Дмитрий Донской. С одной стороны, сведения о монгольском разорении и борьбе Руси с Золотой Ордой включались и ранее во многие летописи и стали поистине «местами памяти» для всего восточнославянского пространства. Но с другой стороны, при более близком рассмотрении исторических трудов Киевской митрополии начала – середины XVII в. оказывается, что история Северо-Восточной Руси по отношению к Юго-Западной Руси (особенно Киевской земли) занимает скромное место. Ярким маркером служат известия о монгольском разорении Руси, где книжники ограничивались краткими упоминаниями о ра-

зорении северо-восточных княжеств или вовсе не включали их в своё повествование. Характерными примерами служат «Густынская летопись» и региональные летописцы: «Киевский летописец» первой трети XVII в., «Острожский летописец», «Львовская летопись». Ситуация изменяется в связи с процессом объединения «Малой» и «Великой» Руси. Так, в «Хронике» Ф. Сафоновича последовательно излагается процесс разорения всей Руси в нескольких главах: «О пришествию ц(а)ря татарского Батѣя из татарами на Русскую землю и о воеваню от него земель Резанской, Суздальской и Владимирской и о взятю Козельска, Переясловля и Чернигова»; «О взятю и спустошеню славного города Киева, о поеднаню кн(я)зя Даниила зъ кн(я)земь Михаиломъ и о отходѣ ихъ з земли Руской»; «О взятю от Батѣя Володимера, Кремянца, Галича и иншихъ Рускихъ городов, о недобыту Каменца и о спустошеню Лядскоѣ земли и Венгерско» [30: 141–143]. Здесь наблюдаем детальное описание монгольского нашествия не только на киевские земли, но и на Рязань, Суздаль, Владимир, Козельск и т. д.

Ещё больше общих «мест памяти» предлагается в третьем издании «Синописа», где киевоцентричное повествование дополняется московскими сюжетами – большими вставкам о князе Дмитрие Донском и Куликовской битве. По объёму текста и количеству глав формируемый И. Гизелем образ Дмитрия Ивановича сопоставим с образом князя Владимира [8: 941]. Получается, что в «Синописе» две наиболее яркие фигуры – креститель Руси и борец с Мамаем и Золотой Ордой [7]. Для киевского исторического повествования XVI – первой половины XVII в., конечно, не было характерно настолько масштабное прославление московских князей, что в очередной раз подтверждает запрос на общие исторические воспоминания и целенаправленное систематическое включение московских сюжетов в привычное повествование.

Восхваление подвигов Дмитрия Донского продолжилось в «Обширном синописе», где П. Кохановский выделил раздел «Книга о побоищи Мамая царя татарского от князя Владимирского и Московского Димитрия» [27: 235]. Повествование о юбилейном историческом событии даже открывалось гравюрой с битвой на Куликовом поле, где, помимо военного противостояния с Мамаем, изображался восседающий на троне великий московский князь Дмитрий Иванович [27: 235]. Рукопись П. Кохановского предлагала расширенную версию включения известий о Московском царстве в киевское повествование, сопоставимую по масштабу с «Синописом». Не менее значимо и то, что в конце «Обширного синописа» предлагался краткий обзор «княжений», «провинций», «краин» Московского царства. Это

перечисление сопровождалось комментариями исторического и географического характера [27: 255–277].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что усилия московских и киевских книжников в поисках общих воспоминаний не ограничивались лишь рассмотренными нами сюжетами. Переосмысление истории Древней Руси и стремление адаптировать исторические нарративы, судя по всему, были шире и ещё требуют детального компаративного анализа и введения в оборот неопубликованных источников по позднему летописанию. Тем не менее с полной уверенностью можно утверждать, что среди книжников XVII в. проявлялся запрос не только на недавние травматичные события XVI – начала XVII в., но и на древнерусскую «старину». Однако на протяжении столетия характер данного запроса, конечно, претерпевал изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов А.П.* Общерусское летописание конца XVII века. М.: Издательская группа «Альма Матер», 2024. 926 с.
2. *Богданов А.П.* Сила легенды: Повесть о Словене и Русе в общерусском летописании XVII в. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 1. С. 184–201. doi: 10.22455/2500-4247-2022-7-1-184-201
3. *Буганов В.И.* Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М.: Наука, 1975. 344 с.
4. *Буланин Д.М., Турилов А.А.* Сказание о Словене и Русе // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII век). Ч. 3: П–С. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 444–447.
5. *Васенко П.Г.* Заметки к Латухинской степенной книге. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1902. 89 с.
6. *Гизель И.* Синопсис или Краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев: Типография Лавры, 1674. 124 с.
7. *Гизель И.* Синопсис или Краткое собрание от разных летописцев, о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев: тип. Киево-Печерской Лавры, 1680. 129 л.
8. *Дворниченко А.Ю., Чупрына Ю.А.* Киевская Русь глазами людей бунташного века // *Вестник СПбГУ. История*. 2025. Т. 70, № 4. С. 931–957.
9. *Ерусалимский К.Ю.* История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 55 с.
10. *Ерусалимский К.Ю.* Понятие «история» в русском историописании XVI века // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Круг, 2003. С. 365–401.

11. *Затилюк Я.В.* Минуте Русі у київських творах XVII століття: тексти, автори, читачі: дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2013. 371 с.
12. Исторические песни XVII века / изд. подгот. О.Б. Алексеева [и др.] М.; Л.: Наука, 1966. 385 с.
13. *Кочегаров К.А.* Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты второй половины XVII века // *Славяноведение*. 2015. № 2. С. 19–38.
14. *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. 422 с.
15. *Криничная Н.А.* Народные исторические песни начала XVII века. Л.: Наука, 1974. 180 с.
16. Латухинская степенная книга. 1676 год / подгот. изд. Н.Н. Покровский, А.В. Сиринов; отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2012. 878 с.
17. Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. Т. 31. С. 11–179.
18. Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. 2: Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России / под ред. А.И. Филюшкина. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2022. 560 с.
19. *Морозова Л.Е.* Смута начала XVII века в сочинениях современников. М.: Кучково поле, Киммерийский центр, 2017. 864 с.
20. *Морозова Л.Е.* Смута начала XVII века глазами современников. М.: ИРИ, 2000. 463 с.
21. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 314 с.
22. *Мыцык Ю.А.* Украинские летописи XVII века: учеб. пособие. Днепропетровск: Днепропетров. гос. ун-т, 1978. 87 с.
23. *Неменский О.Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии (Копыстенского) и «Обороне унии» Льва Кривозы // Україна та Росія: Проблеми політичних і соціо-культурних відносин. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. С. 409–434.
24. *Неменский О.Б.* Свв. Кирилл и Мефодий как крестители Руси в православной и униатской мысли Речи Посполитой в первой половине XVII в. // *Славянский альманах*: 2012. М.: Индик, 2013. С. 78–86.
25. *Покровский Н.Н.* Латухинская Степенная книга – история единого Государства Российского // *Наука из первых рук*. 2011. № 6 (42). С. 58–75.
26. Равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга. Исторический выбор России / сост. Н.М. Абраменко и др. М.: Лето, 2019. 573 с.
27. Российская национальная библиотека. Ф. 550. F. IV. 215. Сборник исторический, конец XVII в.

28. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 552 с.

29. Солодкин Я. Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI – первой трети XVII веков. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2008. 237 с.

30. Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх / передм., комент. Ю. А. Мицика, В. М. Кравченка. Київ: Наукова думка, 1992. 336 с.

31. Флоря Б. Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI – первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М.: Индрик, 2019. 478 с.

32. Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М.: Изд-во УДН, 1988. 134 с.

33. Чупрына Ю. А. Великое княжество Литовское в исторической памяти русских земель первой половины XVII века // Русин. 2023. № 73. С. 67–84. doi: 10.17223/18572685/73/5

REFERENCES

1. Bogdanov, A.P. (2024) *Obshcherusskoe letopisanie kontsa XVII veka* [All-Russian Chronicle Writing of the Late 17th Century]. Moscow: Al'ma Mater.

2. Bogdanov, A.P. (2022) Power of the Legend: The Tale of Sloven and Rus in Russian Chronicles of the 17th Century. *Studia Litterarum*. 7(1). pp. 184–201. doi: 10.22455/2500-4247-2022-7-1-184-201

3. Buganov, V.I. (1975) *Otechestvennaya istoriografiya russkogo letopisaniya. Obzor sovetskoy literatury* [Russian Historiography of the Russian Chronicle. A Review of Soviet Literature]. Moscow: Nauka.

4. Bulanin, D.M. & Turilov, A.A. (1998) Skazanie o Slovene i Ruse [The Legend of Sloven and Rus]. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Bookishness of Old Rus]. Vol. 3(3). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 444–447.

5. Vasenko, P.G. (1902) *Zametki k Latukhinskoy stepennoy knige* [Notes on the Latukhin Book of Royal Degrees]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

6. Gizel, I. (1674) *Sinopsis ili Kratkoe sobranie ot raznykh letopistsev o nachale slavyano-rossiyskogo naroda, i pervonachal'nykh knyazey bogospasaemago grada Kieva* [Synopsis, or a Concise Compilation from Various Chroniclers about the Origins of the Slavic-Russian People and the Early Princes of the God-Blessed City of Kiev]. Kiev: Tipografiya Lavry.

7. Gizel, I. (1680) *Sinopsis ili Kratkoe sobranie ot raznykh letopistsev o nachale slavyano-rossiyskogo naroda, i pervonachal'nykh knyazey bogospasaemago grada Kieva* [Synopsis, or a Concise Compilation from Various Chroniclers about the

Origins of the Slavic-Russian People and the Early Princes of the God-Blessed City of Kiev]. Kiev: Tipografiya Lavry.

8. Dvornichenko, A.Yu. & Chupryna, Yu.A. (2025) Kievskaja Rus' glazami ljudej buntashnogo veka [Kievan Rus through the Eyes of People of the Rebellious Century]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 70(4). pp. 931–957.

9. Erusalimsky, K.Y. (2005) *Istoriya na posol'skoy sluzhbe: diplomatiya i pamyat' v Rossii XVI v.* [History at Diplomatic service: Diplomacy and Memory in the 16th Century Russia]. Moscow: HSE.

10. Erusalimsky, K.Y. (2003) Ponyatie “istoriya” v russkom istoriopisanii XVI veka. [The concept of “history” in the Russian historiography of the 16th century]. In: *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Images of the Past and Collective Identities in Europe before the Modern Age]. Moscow: Krug. pp. 365–401.

11. Zatylyuk, Ya.V. (2013) *Minule Rusi u kiivs'kikh tvorakh XVII stolittya: teksti, avtori, chitachi* [The Past of Rus' in 17th-Century Kievan Narratives: Texts, Authors, Readers]. History Cand. Diss. Kiev.

12. Alekseeva, O.B. (ed.) (1966) *Istoricheskie pesni XVII veka* [Historical Songs of the 17th Century]. Moscow, Leningrad: Nauka.

13. Kochegarov, K.A. (2015) Drevnerusskoe proshloe v politicheskikh kontseptsiyakh ukrainskoy elity vtoroy poloviny XVII veka [The Old Rus Past in the Political Concepts of the Ukrainian Elite of the Second Half of the 17th Century]. *Slavyanovedenie*. 2. pp. 19–38.

14. Kochegarov, K.A. (2019) *Ukraina i Rossiya vo vtoroy polovine XVII veka: politika, diplomatiya, kul'tura. Ocherki* [Ukraine and Russia in the Second Half of the 17th Century: Politics, Diplomacy, Culture. The Essays]. Moscow: Kvadriga.

15. Krinichnaya, N.A. (1974) *Narodnye istoricheskie pesni nachala XVII veka* [Folk Historical Songs of the Early 17th Century]. Leningrad: Nauka.

16. Pokrovskiy, N.N. (2012) *Latukhinskaya stepennaya kniga. 1676 god* [The Latukhin Book of Royal Degrees. 1676]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

17. Bugarov V.I. (ed.) (1968) Mazurinskiy letopisets [The Mazurin Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Letopisty posledney chetverti XVII v.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Chroniclers of the Last Quarter of the 17th Century]. Vol. 31. Moscow: Nauka. pp. 11–179.

18. Filyushkin, A.I. (ed.) (2022) *Mobilizovannoe Srednevekov'e: v 2 t.* [The Mobilized Middle Ages: in 2 vols.]. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

19. Morozova, L.E. (2017) *Smuta nachala XVII veka v sochineniyakh sovremennikov* [The Early 17th-Century Time of Troubles in the Works of Contemporaries]. Moscow: Kuchkovo pole, Kimmeriyskiy tsentr.

20. Morozova, L.E. (2000) *Smuta nachala XVII veka glazami sovremennikov* [The Early 17th-Century Time of Troubles as Seen by Contemporaries]. Moscow: Institute of Russian History.

21. Mylnikov, A.S. (1996) *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoy Evropy: Etnogeneticheskie legendy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVIII veka* [The Picture of the Slavic World: The View from Eastern Europe: Ethnic Legends, Preassumptions, Protohypotheses (16th – beginning of the 18th Century)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

22. Mytsyk, Yu.A. (1978) *Ukrainskie letopisi XVII veka* [Ukrainian Chronicles of the 17th Century]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University.

23. Nemenskiy, O.B. (2003) Istoriya Rusi v “Palinodii” Zacharii (Kopystenskogo) i “Oborone unii” L’va Krevzy [The History of Rus’ in “Palinody” by Zachariah (Kopystensky) and “Defense of the Union” by Lev Krevza]. In: *Ukrai’na ta Rosiya: Problemi politichnikh i sotsio-kul’turnikh vidnosin.* [Ukraine and Russia: problems of political and socio-cultural relations]. Kiev: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 409–434.

24. Nemenskiy, O.B. (2013) St. Cyril and Methodius as the Baptizers of Russia in Orthodox and Unitarian Ideas of Rzech Pospolita in the First Half of the Seventeenth Century. In: *Slavyanskiy al’manakh: 2012* [Slavic Almanac: 2012]. Moscow: Indrik. pp. 78–86.

25. Pokrovskiy, N.N. (2011) Latukhinskaya Stepennaya kniga – istoriya edinogo Gosudarstva Rossiyskogo [The Latukhin Book of Royal Degrees is the History of the Unified Russian State]. *Nauka iz perykh ruk.* 6(42). pp. 58–75.

26. Abramenko, N.M. (ed.) (2019) *Ravnoapostol’nye knyaz’Vladimir i knyaginya Ol’ga. Istoricheskiy vybor Rossii* [Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and Princess Olga: Russia’s Historical Choice]. Moscow: Leto.

27. The National Library of Russia (RNB). *Sbornik istoricheskoy, konets XVII v.* [Book of History, Late 17th Century]. Fund 550. File F.IV.215.

28. Sirenov, A.V. (2010) *Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl’ XVI–XVIII vv.* [The Book of Royal Degrees and Russian Historical Thought of the 16th–18th Centuries]. Moscow, St. Petersburg: Al’yans-Arkheo.

29. Solodkin, Ya.G. (2008) *Ocherki po istorii obshcherusskogo letopisaniya kontsa XVI – pervoy treti XVII vekov: Monografiya.* [Essays on the History of All-Russian Chronicle Writing from the Late 16th to the First Third of the 17th Century: Monograph]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk University for the Humanities.

30. Smoliy, V.A. (ed.) (1992) *Sofonovich F. Khronika z litopistsiv starodavnikh* [F. Sofonovich. Chronicle from the Old Chronicles]. Kiev: Naukova dumka.

31. Florya, B.N. (2019) *Rossiya i vostochnoslavyanskije zemli Pol’sko-Litovskogo gosudarstva v kontse XVI – pervoy polovine XVII v. Politicheskie i kul’turnye svyazi* [Russia and the East Slavic Lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Late 16th – First Half of the 17th Century. Political and Cultural Ties]. Moscow: Indrik.

32. Chistyakova, E.V. & Bogdanov, A.P. (1988) “*Da budet potomkam yavleno...*”: *Ocherki o russkikh istorikakh vtoroy poloviny XVII veka i ikh trudakh* [“Let It Be

Revealed to Posterity...”: Essays on Russian Historians of the Second Half of the 17th Century and Their Works]. Moscow: RUDN.

33. Chupryna, Yu.A. (2023) The Grand Duchy of Lithuania in the Historical Memory of the Ruthenian Lands in the First Half of the 17th Century. *Rusin*. 73. pp. 67–84. doi: 10.17223/18572685/73/5

Чупрына Юлия Алексеевна – ассистент кафедры истории России с древнейших времён до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Yulia A. Chupryna – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: y.chupryna@spbu.ru